



*Джерри — с любовью.
За его поддержку, а главное, за то,
что он во мне никогда не сомневался.*

*Благородные воины рождены для битв,
а сражения возвышают тех, кто
предается им без трусости и страха.*

Жан Фруассар

ПРОЛОГ

Дом был стар и, несмотря на внушительные размеры, неприметен. «Любопытно», — подумала Лидия Эшер. Приостановившись на нижних ступеньках крыльца, она запрокинула голову, чтобы осмотреть все пять этажей угрюмого темного фасада. Добрая половина обесцвеченных непогодой балок едва заметна под столетним слоем сажи, ясно видны не забранные ставнями старинные переплеты окон, середины каменных ступеней стерты шагами.

Лидию пробрал озноб, и она плотнее закуталась в плащ, позаимствованный ею у кухарки, поскольку даже самый простой наряд из гардероба самой Лидии выглядел бы чересчур роскошно для этих узких безымянных дворов и проулков, теснящихся вдоль берега. «Он не сможет причинить мне вреда», — подумала Лидия, берясь за горло. Под высоким шерстяным воротником шею холодили толстые звенья полудюжины серебряных цепочек.

Или сможет?

Около часа она искала этот двор, по странному стечению обстоятельств не отмеченный ни на одной из четырех современных карт Лондона. Лидия слышала, как на черной колокольне обветшалой церкви позади старого дома пробило три. Двор плавал в тумане цвета золы, съедавшем даже тот слабый свет, который мог сюда просочиться. Она прошла мимо крыльца три раза, пытаясь рассмотреть здание, и ощутила, что, будь воздух

прозрачен, наблюдения бы это не облегчило. Возникло нелепое ощущение, что ночью (с фонарями или без фонарей, с лампами или без ламп) дома не разглядишь вообще. И еще был запах: ясный, пугающий, не похожий ни на какой другой.

Лидия стояла на крыльце очень долго.

«Он не сможет причинить мне вреда», — снова сказала она себе и задумалась: так ли это?

Сердце неистово колотилось. С чисто медицинским интересом Лидия отметила, что конечности ее холодеют, несмотря на кожаные перчатки с меховой подкладкой и две пары шелковых чулок. Ботинки, правда, были легкие, изящные, на высоких каблуках. Конечно, стоило подобрать обувь покрепче и попроще, но в грубых ботинках, как представлялось Лидии, ходят одни лишь прачки, с которыми она, впрочем, ни разу не общалась. Однако ожегший кровь адреналин указывал, что холод, скорее всего, был результатом шока.

Одно дело — размышлять относительно физиологии владельца этого дома, находясь в своей безопасной Оксфордской лаборатории или когда рядом Джеймс, а сама ты вооружена...

И совсем другое — прийти и постучать в парадную дверь дона Симона Исидро.

Она слышала приглушенные туманом цокот копыт и звяканье упряжи с Аппер-Темз-стрит, стонущие гудки моторов. Другой, более глубокий гудок донесся со стороны реки. Стук каблучков по грязным ступеням отдавался подобно ударам молотка, юбка с шелестом разметала пыль.

Несмотря на древность дома, дверной замок оказался относительно нов — тяжелое американское устройство, притаившееся за пластиной настоящего замка времен Елизаветы. Но и оно с готовностью уступило отмычке, найденной Лидией в дальнем конце ящика, где хранились носовые платки мужа. Руки немного дрожали, когда она орудовала отмычкой, используя приемы, которые ей однажды показал Джеймс. Сознывая, что, по

сути, совершает преступление, взломщица ежесекундно ожидала в страхе появления за спиной представителя лондонской полиции и крика: «Ни с места! Именем закона!..»

«Какая глупость!» — думала она. Очевидно было, что ни один блюститель порядка не заглядывал в этот двор в течение многих лет. Лидия поправила очки с толстыми линзами (мало того что нарушительница закона, на который громоподобно ссылался воображаемый полисмен, так еще и уродина четырехглазая!), отправила отмычки в сумочку и ступила через порог.

Стемнеть должно в пять. До сей поры она была в полной безопасности. Холл оказался куда сумрачнее, нежели она ожидала, широкие дубовые двери по обе стороны закрыты. Роскошные, не покрытые ковром ступени, снабженные резными перилами, поднимались в темноту. Проем, ведущий в глубины дома, напоминал отверстую могилу.

Лампы Лидия, естественно, не захватила. Мысленно выбрав себя за непредусмотрительность (отсутствие светильников можно было и предвидеть!), она открыла одну из боковых дверей, впустив в помещение пепельный полусвет. На столе обнаружился ключ, и Лидия, вернувшись, прикрыла входную дверь. Какое-то время она стояла, колеблясь, запереть ее за собой или нет. Избыток адреналина в крови мешал принять решение...

В конце концов она повернула ключ, но оставила его в скважине, сама же осторожно направилась к только что открытой ею двери. За дверью, вероятно, располагалась гостиная. Помещение оказалось огромным, как бальный зал в доме ее тетки в Мейфэр. От пола до потолка высились книжные полки. Желтые корешки авантюрных романов Конан Дойла и Клиффорда Ашдоуна соседствовали с житиями святых в истертых кожаных переплетах; устаревшие тексты по химии; Карлейль, Гиббон, Сад, Бальзак; дешевые современные издания Эсхила и Платона; Голсуорси, Уайльд, Шоу. Единственным предметом мебели был

обитый кожей массивный дубовый ящик перед камином. На ящике стояла дешевая американская лампа из стали и стекла, фитиль аккуратно подрезан, резервуар наполовину заполнен керосином. Достав из кармана спички, Лидия зажгла ее и в слабом свете прочла названия лежащих рядом книг, новеньких, наполовину освобожденных от оберточной бумаги. Французская книга по математике. Немецкая физика (автор — какой-то Эйнштейн). «Ветер в ивах».

Сколько у нее остается времени?

Не без труда Лидия извлекла спрятанное под одеждой странное устройство — медный распылительный насос с носиком, тщательно заклеенным пластырем, и лямкой, связанной из пары прошлогодних шарфов. Сняла колпачок, повесила распылитель на плечо и, прихватив светильник, двинулась в путь.

В следующем помещении книг было еще больше. Присутствовала и мебель: тяжелый стол, на котором валялись математические труды, абака, астролябии, глобус, немецкая вычислительная машинка и еще некий предмет, представлявший собой (если Лидия не ошиблась в своем предположении) старинное счетное устройство из слоновой кости. В дальнем конце комнаты злоеще поблескивала стеклом и металлом машина, напоминающая поставленное набок фортепьяно, снабженное множеством циферблатов, чье назначение Лидия не могла угадать. Рядом стояла конторка черного дерева — немецкой работы, очень старая, обильно изукрашенная резными богами и деревьями. Ящики снабжены потемневшими медными замками.

Перед камином, чьи синие и желтые плитки были закопчены до черноты, стояло фиолетовое бархатное кресло, тоже очень старое и потертое. Подлокотники покрыты кошачьей шерстью, на сиденье брошена американская газета. Краем глаза Лидия уловила движение и почувствовала удушье, но, слава

богу, это было всего лишь ее собственное отражение в пожелтевшем зеркале, до половины прикрытом большой шалью. Судя по характеру кружев, изделие восемнадцатого века.

Лидия поставила светильник и сдернула шаль. Зеркало бесстрастно отразило ее тонкую, хрупкую фигурку. «Плоскогрудая, как школьница, — в отчаянии подумала она. — И это в двадцать шесть лет!» Несмотря на все ухищрения Лидии с рисовой пудрой, краской для век и румянами — в тех крохотных количествах, что позволялись приличной леди, — лицо ее состояло в основном из носа и очков. Четырехглазой ее прозвали в детстве, когда она еще не успела заслужить права именоваться скелетом и книжным червем. Даже сегодня, покидая меблированный номер «Блумсберри», Лидия ни за что бы не надела очки, если бы от этого сейчас не зависела ее жизнь.

Ее — и Джеймса...

Она позволила кружеву упасть на пол, снова потрогала серебряные цепочки на шее и двойные толстые браслеты, обвивавшие запястья под манжетами и перчатками.

Зачем ему зеркало? Он же не может себя в нем увидеть! Или истории врут?

Лидия снова подняла лампу, надеясь, что информация, которой она владела, хотя бы частично соответствует истине. Стыд и позор — не собрать за эти годы более точных научных данных! Она должна написать заметку для «Журнала медицинской патологии» или хотя бы для одного из фольклорных исследований Джеймса.

«Если останусь в живых, — подумала она, и паника вновь ожгла изнутри ее вены. — Если останусь в живых...»

Неужели она все-таки ошиблась?

Лидия обошла дом, поднявшись до чердака. Все кругом было завалено книгами и журналами. Зная на собственном опыте, какво хранить бесчисленное количество номеров «Ланцета», а также его британских, европейских и американ-

ских аналогов, Лидия не могла не позавидовать столь обширной библиотеке, и это в какой-то степени ослабило ее страх. «Ланцет» был представлен здесь номерами, восходящими к 1823 году, и, если порыться, можно было бы наверняка обнаружить первый его выпуск. Лишь одна маленькая комнатка наверху была занята не книгами, но одеждой, дорогой и относительно новой.

С самого начала все инстинкты Лидии подсказывали ей, что искать нужно не вверху, а внизу.

Кухня и судомойня располагались на первом этаже, в задней части дома. Лидия спустилась по изогнутой лестнице в судомойню, где обнаружился вполне современный ледник. Открыв его, она нашла кусок льда приблизительно двухдневной давности, бутылку сливок и небольшое количество мяса. В уголке прямо на полу стояли штук пять тарелок, в их числе — блюдо северского фарфора времен Людовика XV. Лидия улыбнулась — впервые.

Подвал, винный погреб, кладовая для овощей под лестницей и множество маленьких чуланов с низкими потолками, где пахло землей и временем. Пламя лампы отбрасывало трепещущую тень Лидии на потрескавшиеся от нагрузки балки, на обесцвеченные обои, на каменную кладку, говорящую о крайне древнем возрасте строения. Ей долго пришлось искать этот дом, упоминания о котором исчезли из Государственного архива после пожара 1666 года. Лидия некоторое время бродила по подземелью, зная, что где-то здесь должен быть вход в еще один подвал. Внимательно изучив структуру кладки, она сосредоточила внимание на небольшом складском помещении, чья влажная каменная стена хранила следы разобранной лестницы.

День снаружи, должно быть, уже угасал. Стараясь унять дрожь в пальцах (неважно, что было причиной: холод или страх), Лидия сняла перчатки и принялась ощупывать тяжелую

лепнину порталов. Возле порога той двери, что вела в винный погреб, что-то подалось, щелкнуло неохотно — и в грязноватом медном свете лампы открылся широкий проход между двумя панелями. На внутренней части подвижной плиты имелась щелчка, то есть открыть замок можно было и с той стороны. Изношенная лестница снова уходила вниз.

Как и предполагала Лидия, помещение, лежавшее ниже, напоминало усыпальницу церкви — возможно, той, что располагалась позади дома, на площади с довольно странным названием — Испанский Двор. На низких сводах потолка еле читались выведенные черной краской слова: *Salvum me Iac, Deus, quoniam intraverunt aquae usque ad animam meam.*

Лидия не была воспитана в католической вере (тетки ее даже свечу на алтаре рассматривали как повод для жалобы епископу) и все же узнала в этих словах отрывок мессы избавления от смерти.

Гранитный саркофаг занимал весь дальний конец помещения, подобно мрачному алтарю, скрывающему все, кроме низкой запертой двери. Лидия довольно долго стояла перед ним, прежде чем решилась приподнять светильник повыше и прикинуть вес каменной крышки. Затем опустилась на колени и принялась изучать пол.

Пыли на полу не было.

Тщательный осмотр трещин в сером каменном настиле выдал ей местоположение люка. В тусклом янтарном полусвете лампы приходилось сильно напрягать глаза. Сначала Лидия пыталась вести поиск со всей возможной аккуратностью, не пачкая и не сминая юбки, но это оказалось невозможным. Кости корсета то и дело упирались в ребра, а распылитель насоса предельно ударял по локтю. Чуть не заработав за эти полчаса еще и косоглазие, она сообразила наконец, что запорный механизм люка располагается позади далеко выдающегося каменного портала внутренней двери.

Насколько она поняла, саркофаг вообще не имел никакого отношения к люку. В противном случае все было бы слишком очевидно.

Ступени, ведущие вниз, были настолько мелки и до такой степени стертые, что Лидии пришлось прижаться плечом к одной стене и, придерживаясь рукой за другую, нащупывать опору для следующего шага. Подумалось вдруг, что снаружи давно уже темно, — и снова нахлынул страх, возникло паническое убеждение, что она просто не способна выполнить задуманное. Пришлось запретить себе смотреть на часы.

Свет лампы не рассеивал лежащего внизу мрака, дышащего влажной землей, холодным камнем и ржавчиной. Интересно, что крысами не пахло вообще.

Свет влажно скользнул по металлическим прутьям решетки. Приблизившись, Лидия просунула руку с лампой сквозь прутья и попыталась осветить то, что располагалось по ту сторону. Решетка была старая, а замок на ней — новый и дорогой. Такой не одолеешь ни отмычкой, ни ломом. Сияние лампы лишь отчасти проникало в лежащие за решеткой катакомбы, и все же Лидии удалось рассмотреть стенные ниши, большей частью пустые или же хранящие ужасные свидетельства бренности земного бытия: черепа, пыль, клочки волос.

На той стене, что справа, в тени таилось еще одно углубление, но осветить его не было никакой возможности.

Из ниши свешивалась белая, как слоновая кость, мужская рука с длинными, унизанными золотом пальцами. Темнота скрывала остальное, и, хотя изящная кисть выглядела столь совершенно, словно была нарисована Рубенсом, Лидия знала, что владелец ее мертв вот уже несколько веков.

«Значит, правда», — подумала она, и сердце от испуга забилося сильнее и торопливее.

«Глупо», — тут же добавила она мысленно, поскольку знала обо всем изначально.

Но одно дело — знать, и другое — столкнуться с ними после наступления темноты. Лидия почувствовала себя нагой и беззащитной.

«Зря я все это затеяла».

Пар от ее дыхания принял в свете лампы абрикосовый оттенок. Лидия обессиленно опустилась на ступеньки. Положила свое оружие на колени, поправила указательным пальцем очки и приготовилась ждать.